ГЕНЕРАЛЬНОЕ МНѢНІЕ

О

ТАКТИКѢ

Г. ГИБЕРТА

сочиненное

ГОСПОДИНОМЪ ВОЛТЕРОМЪ,

а

съ Французскаго языка

переведенное

на Россійской,

Лейб-Гвардіи Преображенскаго Полку Подъпра-

порщикомъ

Ѳедоромъ Левченковымъ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

1777 года.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

СЕМЕНУ ГАВРИЛОВИЧУ

ЗОРИЧУ,

Господину ГенералЪ-Маïору, ЛейбЪ-Гусарскаго Эскадрона и ЛейбЪ-КозацкихЪ КонвойныхЪ ротЪ Главнокомандующему, КавалерЪ-Гардскаго корпуса Корнету, Ахтырскаго Гусарскаго Полку Полковнику, Вольнаго Экономическаго общества Члену и ОрденовЪ Малтiйскаго С. Iоанна, Шведскаго Меча, большихЪ КрестовЪ и Святаго Великомученика и ПобѢдоносца Георгiя

КАВАЛЕРУ

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Переводъ, предпрїемлемый мною, сего малаго Волтерова сочиненїя, подъ именемъ *Генеральскаго мнѣнїя о Тактикѣ* дерзнулъ я посвятить Вашему Превосходительству въ разсужденїи двухъ предмѣтовъ: а именно, чтоба при благосклонномъ Вашего Превосходительству чтенїи, подать любопытствующему обществѣ какое ни есть объ ономъ свѣденїе; а притомъ и доказать мое усердїе и исполнить долгъ свой предъ Вашимъ Превосходительствомъ. Однако слѣдствїя не могутъ прямо соотвѣтствовать моему желанїю; во первыхъ, что разсудокъ мой неизбыточествуетъ тѣми изъящными качествами, которыя достойно носятъ на себѣ знаменитѣйшїе мужи; а во вторыхъ, удивляясь Вашему Величїю, не въ силахъ присоединить все то, что споспѣшествовать можетъ къ геройскому духу Вашего Превосходительства.

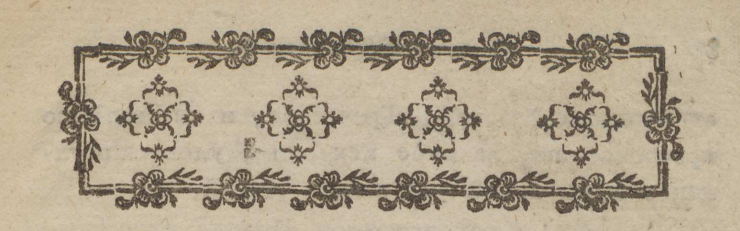
А какъ Ваше Превосходительство, всему пространству Россійскія Имперіи, довольно подали знать, что Ваши человѣколюбывыя дѣла и изящныя добродѣтели, произтекающія единственно отъ любви къ отечеству, составляютъ пріятное нынѣ для всякаго время; то оное принесетъ и приносить будетъ вамъ несравненную ни съ чьею честь и славу.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА

Нижайшій Слуга

Ѳ. Л.

ГЕНЕРАЛЬНОЕ МНѢНІЕ О ТАКТИКѢ.

Въ прошедшій понедѣльникъ былъ я у моего книгопродавца Калїя, которой будучи въ своей Библїотекѣ не могъ оцѣнить сея книжки; я имѣю, сказалъ онъ учтиво, новую книжку, для человѣкъ потребную, и толико разумомъ преисполненную, колико любочестїемъ славимую; сїя книжка, въ которой должно упражняться, опредѣляетъ намъ познавать судьбу. Возьми сїю Тактику. Тактику? сказалъ я ему, ахъ, до сихъ поръ неизвѣстно мнѣ знаменованїе столь разумнаго слова. Слово сїе,

отвѣтсвовалъ онъ, Греческое, и значитъ по превосходству великое искуство, удовлетворяющее духъ всѣхъ разумныхъ людей.

Я купилъ сїю Тактику и чаялъ учинить себя щастливымъ: думалъ найти въ ней долговѣчную мою жизнь, умѣрить горести, коими она удручена, исправить склонности, быть безпристрастну, воздержать прихоти уздою разума, наблюдать справедливость и никогда непреступать границъ своего благоразумїя: я уединясь читалъ ея и старался знать въ тонкость сїю толь божественную книжку: но друзья мои, я послѣ спозналъ ея, что она есть единственное искуство пожирать своихъ ближнихъ.

Я слышалъ, что нѣкогда въ Германїи одна духовная Особа во угожденїе свое проливала человѣческую кровь жестокимъ оружїемъ и войною; какой тогда чувствуемъ былъ пальбы трескъ; съ какою поспѣшностїю поглощала смерть военными орудїями вдругъ безчисленное людей множество; изъ двухъ почти ударовъ, видимо было не сказанное число мертвыхъ поверженное наземлю. Шлемъ, мечь, копье, всѣ изряд-

изрядными, всѣ пріятными споспѣшествовали отмѣненной сей смерти.

Послѣ Авторъ представляетъ ихъ, во образѣ ночныхъ разбойниковъ, кои въ глухой и пустой дорогѣ разставляютъ сѣти и уловляютъ къ пагубѣ вдругъ пять или больше человѣкъ, восходящихъ съ поспѣшностію на стѣну, гдѣ бѣдные граждане спятъ въ безопасности, вооружающихся съ пламенемъ оружія въ домахъ ихъ, истребляющихъ мужей и погубляя женъ и дѣтей, въ усталости своей на гробахъ мертвыхъ торжествующихъ. По утру идутъ во храмы приносить въ Латинскихъ изреченіяхъ благодарность Богу.

Чрезмѣрно будучи тронутъ сею столь достохвальною наукою, возвращаюсь съ яростію къ самому Калію, отдаю его книгу и въ сердцахъ ему говорю: поди сюда проклятый книгопродавецъ Вельзевулъ, и отнеси свою Тактику Генералу Тоту; ибо онъ главный есть повелитель во имѣни Саваота, которой занималъ войскомъ цѣлыя Дарданеллы управляя воинскимъ искуствомъ Мусульмановъ; приди и съ почтеніемъ отдай въ томъ справедливость славному Ру-

мянцову, Покорителям Бендер и Азова, а особливо Короля Фридриха почьти больше всѣх и будь увѣрен, что он прямо сïю военную науку знает. Люцыфер лучьше судить может вашего Автора; он послѣднïй писатель в сем преисполненнаго ужаса искуствѣ; он большïй человѣчества гонитель, нежели Густав и Евгенïй. Поди, я не думаю, чтоб естество человѣческое миновало когда нибудь рук Создателя в наказанïи за неистовство и такое безумïе. Человѣк сам собою с столь большим людей числом, будучи в войнѣ, безсильных и безнадѣжных, никогда не возвратит тѣх утраченных им дней, кои по необходимости учинились ужѐ для него оплакиванïя достойными. Ибо ежели извѣстно то, что водяная болѣзнь от небольшаго количества, смешенной с мѣлом и песком воды и претворившейся в твердую камня силу, причиняет в человѣкѣ лихорадку, горячку и другïя притом мучительнѣйшïя болѣзни; то удивительно ли, что не много искустнѣйших людей могут ввергнуть в пагубу цѣлую народа пропасть, коим сïя толь достохвальнѣйшая войны наука бывает извѣстна. Я всѣх презираю Героев, даже до Нимврода и Кира и самого того толь

сла-

славимаго Государя, возставленнаго Лентуломъ. Напрасно цѣлой свѣтъ дивится ихъ несказанной силѣ, я всѣхъ ихъ чуждъ и ставлю ни во что.

Такимъ образомъ проходя то изъясненiемъ, увидѣлъ я въ углу любопытнаго юношу, на меня пристально взирающаго; онъ былъ одѣтъ изрядно, его достоинство къ военному искуству явнымъ доказательствомъ предвѣщало; взгляды его хотя и были пронзительны, однако казались спокойными и прiятными, и не имѣли въ себѣ качествъ гнѣва причастныхъ. Словомъ, онъ то самой былъ Творецъ сея Тактики.

Я чувствую, сказалъ онъ мнѣ, внутреннее въ себѣ сопротивленiе, что старой философъ другъ цѣлаго свѣта, въ нѣжномъ своемъ сердцѣ довольствуется моимъ мастерствомъ; онъ хотя безчеловѣченъ, но надобенъ; человѣкъ рожденъ со злымъ сложенiемъ; Каинъ убилъ своего брата; а наши братья Гунны, Франки и Визиготы изъ береговъ Дона стремящiеся къ многочисленному флоту, не опустошили бы рѣки Сейна, естьли бы знали мы лучше Тактику

Рим-

Римскую. Я воинъ рожденъ отъ таковагожъ воина съ тѣмъ, чтобъ охранять свое имѣніе, а не отнимать онаго искуствомъ у другаго. Ахъ! для чегожъ вы жалуетесь на судьбу, кого бы вамъ принять себѣ въ защитники. Довольны либъ вы были, естьли бы Готи пришли разорять ваши лѣса, жатвы, житницы и крѣпости? Къ семудолжно вамъ имѣть изрядную стражу для обереженія стадъ вашихъ; безъ сумнѣнія для людей необходима есть война, и всѣ даже великія производства дѣлъ не отъ пороковъ происходятъ; вы сами, какъ сказываютъ, прославляете иногда знатныя свои дѣла во имя возлюбленнаго вашего Берноя, которой защищалъ право величественнаго своего рожденія; Лига была не права, а Генрихъ четвертый правъ. Зная сего столь добраго государя, не славно ли припомнить вамъ тотъ день подъ городомъ Фонтеноя. Когда Аглицкая солдатъ толпа съ мнительною игрушкою шествовала безразсудно въ веселомъ видѣ противъ нашей арміи; о довольно щастливой ты Богдадъ! ты стѣснясь въ Парижскихъ стѣнахъ, производилъ войну между самыми степенными людьми, и пріятствуя Гассинѣ съ несказанною страстiю запальчивостію шелъ въ театръ къ позорищу

ея,

ея, и начиналъ быть судьею въ мирныхъ качествахъ Актеровъ. Увы! что дѣлаете вы и все Актеры? Чего бы не произвелъ цѣлой Парижъ? Что бы было, естьли бы самъ Людвигъ не пришелъ утромъ на Калонической мостъ? Да естьли бы еще Цесарь не усмирилъ Агличанъ противящихся въ отчаянїи. Вы сами знаете, кто изъ смертныхъ тотъ, кто любя славу, одерживалъ побѣду четырьмя токмо пушками. Сїе самое было награжденїемъ крови благороднаго Крамонта, разумнаго Лютоса и младаго Краона, за что брезгливая чернь, созидая пѣсни, бѣжащимъ по улицѣ, съ злословною усмѣшкою ласкательствовала Семирамидѣ, Меропѣ и Орфелинѣ. И такъ подвизайтесь, естьли вамъ угодно, защищать себя столь равно свойственно, колико Францїя чрезъ столь ужѐ долгое время въ покоѣ своихъ гражданъ искуствомъ была вамъ примѣромъ.

Господинъ Гибертъ, по толь долгомъ словопрѣнїи всїо молчалъ, и я также ни чего сказать не могъ, чувствуя его разума справедливость. Знаю, что война есть первѣйшее искуство, и что хорошей живописецъ изъ Бурбонцовъ и Баярдъ, показывая свои справедли-

выя предписанія, достоинъ есть, можетъ быть, учить такому искуству, надъ коимъ самъ числится живописцемъ. Но я предъ вами въ томъ признаюсь и желаю, чтобъ въ сей толь достохвальнѣйшей войнѣ ни когда не упражнялись, а пребывала бы всегда на земли истинна, изъявляющая миръ, по слову извѣстнаго намъ Святаго Петра.

КОНЕЦЪ.

